

классификация северных былин с поправкой на изменение административной структуры края почти не отличается от классификации А. Д. Григорьева⁷.

Новизна работы заключается в последовательном применении на последних, т. е. определяющих, ступенях классификационной схемы принципа деления эпических произведений в соответствии с их метrorитмической структурой. Иначе говоря, классификация разрабатывается исходя из признаков, в равной мере приложимых к былинам как поэтическим и музыкальным произведениям. В рамках каждого региона былины делятся по напеву и поэтическому тексту на строфические и одностиховые. Былины Севера, лучше других сохранившие старинную форму полупесен, полуречитативов декламационного стиля, в свою очередь дробятся по группам метрического времени — нечетным, смешанным и четным.

Классификация эта была подготовлена как предыдущими изысканиями самих авторов, так и другими исследователями, в частности А. Л. Масловым, занимавшимся проблемами ритма и музыкального склада былин. Главная заслуга составителей былинного тома «Собрания» — выработка стройной системы классификации и последовательное применение ее к конкретному материалу, содержащемуся в томе.

Как уже упоминалось, в приложении к тому даны напевы и полные тексты 39 произведений, по мелодической и поэтической структуре близких к эпическому жанру. Среди них выделены произведения, имеющие и строфическую, и стиховую формы (баллады, апокрифические песни), а также бытующие только в стиховой форме (песни-притчи, скоморошины, небылицы).

Можно оспаривать конкретные случаи приложения принципов этой классификации, но нельзя отрицать ее методологической и эвристической ценности. На наш взгляд, она, в частности, облегчает анализ собранного материала и позволяет установить родственность мелодических истоков таких, казалось бы, вполне самостоятельных и независимых друг от друга произведений, как северные одноголосные «старинные» и южно-русские «былинные песни». Представление о якобы полной самостоятельности напевов северной сольной былинной традиции и многоголосной южной, укоренившееся в широких музыкальных кругах, весьма живуче и, безусловно, нуждается в уточнении. Поэтому чрезвычайно актуальны приведенные в статье Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова примеры, доказывающие, что, «несмотря на все многообразие былинных напевов различных стилистических зон, в них так или иначе проступают черты сказительского мелоса — традиции напевного повествования» (с. 25—26).

Несомненную ценность придают изданию вступительная статья такого знатока былинного эпоса, как покойная А. М. Астахова, и небольшие по объему, но очень содержательные статьи Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова, дающие как общую характеристику отдельных жанров народного эпического творчества, так и его особенностей в разных регионах страны.

Чрезвычайно разнообразен и интересен вспомогательный научный аппарат издания: библиография и нотография былин, сюжетный указатель и словарь устаревших и малопонятных слов, дающий не только их толкование, но и примеры словоупотребления. Нельзя, наконец, не отметить исключительно тщательно выполненные комментарии, содержащие кроме необходимых паспортных данных детальный анализ поэтики и мелодического склада каждого комментируемого произведения, сопоставление вариантов, обзор литературы, а в ряде случаев и характеристику особенностей исполнения.

Выход в свет рецензируемого тома — крупное событие в истории советской фольклористики. Следует думать, что не меньший резонанс будут иметь и тома «Собрания», относящиеся к другим жанрам русской народной музыки.

Д. М. Бацер, Н. М. Владыкина-Бачинская

⁷ Следует, впрочем, оговориться, что вне поля зрения А. Д. Григорьева, как и других дореволюционных собирателей и исследователей, оказался бассейн Печоры.

И. В. Дубов, Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки]. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, 248 с.

Книга И. В. Дубова посвящена древнейшей истории Северо-Восточной Руси IX—XI вв., впоследствии ставшей ядром формирования русской народности и государственности. В период переходный от первобытно-общинного строя к ранней государственности территория Древней Руси была населена различными этносами, отличавшимися по направленности и темпу экономического и социального развития, и поэтому многие процессы и возникавшие институты носили подчеркнуто этносоциальный характер. И хотя книга И. В. Дубова охарактеризована им как «историко-археологические очерки», она по сути своей затрагивает и важнейшие этнические аспекты проблемы становления единой этносоциальной системы древнерусской государственности и народности.

К безусловным заслугам автора следует отнести исследование Тимеревского поселения (ценное само по себе, а также тем, что оно привело к открытию клада арабских монет) и новые раскопки курганов Тимеревского могильника, считавшегося окончательно исследованным. Бесценным открытием (сделанным И. В. Дубовым, И. Г. Добровольским и Ю. К. Кузьменко)¹ является обнаружение граффити на арабских монетах, среди которых особо следует отметить скандинавские рунические и грузинскую надписи и изображения знаков Рюриковичей. Автором монографии добыты и суммированы археологические материалы, подчеркивающие важную роль изучаемого региона и его полиэтничного населения в системе евразийских торговых связей на волго-балтийском пути.

В настоящей рецензии внимание концентрируется на вопросе, ключевом для решения всех этносоциальных проблем русской истории IX—X вв., — на хронологии и соотносимости археологических и письменных источников.

Убедительно выявив материалы второй половины IX в. в составе Тимеревского комплекса, И. В. Дубов упорно относит их ко всему IX в., удревяя Тимерево по крайней мере на полстолетия. Так же до IX в. удревяется и Клещинский комплекс на Плещеевом озере (с. 93), хотя материалы плещеевских (да и всех владимирских) курганов не позволяют пока датировать их ранее второй четверти X в. В связи с таким удревянием археологический материал слился для автора в слабо расчлененное хронологически целое, и, как следствие, не вполне удалась и попытка сопоставить археологические памятники с данными письменных источников, которые тоже рассмотрены недифференцированно.

Этап этносоциальной истории Северной Руси, предшествовавший возникновению Тимеревского комплекса и всей системы ярославских поселений и могильников, освещен в монографии наименее выразительно. На Верхней Волге он охватывает IX в., до 850-х гг., и представлен культурными отложениями на Сарском городище и, возможно, Угодичском селище, содержащими вещи западно-европейского и монеты афроазиатского происхождения, а также 6 кладами (2 сарских, 1 угодичский и др.), датруемыми по последней монете 811—832 гг. (к ним примыкает Элмедский клад 821 г. на Средней Волге). Этот круг древностей в целом синхронен ранним слоям Ладоги (Е₃ и Е₂) и Холмопского городка на Волхове, связанных с волховскими кладами 786, 808—810 гг. (к ним примыкает петергофский клад 804 г.), хотя хронологический сгусток древнейших волховских кладов (786—810 гг.) — несколько древнее сгустка верхневолжского (811—832 гг.). Продуктивным представляется сопоставление северных волго-балтийских кладов с хронологическим сгустком южных кладов, вытянувшихся цепочкой от Северного Кавказа и Нижнего Дона через Поднепровье — до верховьев Немана (805—824 гг.); продолжением этой цепочки в Прибалтике могут считаться прусские клады 808—818 гг. Хронология неизъятых кладов этой цепочки в пределах южной части восточно-славянской территории (810—824 гг.) чрезвычайно близка к хронологии волжских кладов (811—832 гг.). Между южной и северной группами кладов находится хронологически близкая им группа кладов — на Средней Оке и Верхнем Дону (811—817 гг.).

Две цепочки кладов первой трети IX в., вытянувшихся с юго-востока на северо-запад к побережью Балтики, одна — по Волго-Балту, другая — по донецко-днепровско-неманскому пути (соединенные сгустком кладов на волоках, ведущих с Оки к Дону), соблазнительно связать с теми двумя сферами социально-экономической активности, которые отражены в летописи в виде рассказа о варяжской и хазарской днях, тем более что на монетах волжской группы обнаружены бесспорно (Элмед, 821 г.) или предположительно (Угодичи, 813 г.) скандинавские руны, свидетельствующие о появлении скандинавов в Поволжье уже в начале IX в. Однако отметим, что между датой последнего клада ранней группы на севере (832 г.) и «варяжской» дани по летописи (859 г.) существует период, когда клады на Верхней Волге отсутствовали (833—861 гг.). На юге также в течение полувека (825—875 гг.) клады не оставались в земле. Создается впечатление, что начальный в истории Руси период (конец VIII в.—862 г.) делится на две части событиями, приведшими к массовому зарытию и неизъятию кладов в Верхнем Поволжье, на Средней Оке и в Поднепровье в 820—830 гг. Как давно предположил П. П. Смирнов², этим событием могло быть первое появление угров к западу от Волги в 820—830 гг. отраженное в византийских источниках, в венгерской хронике XI в. и, возможно, в скупом сообщении русской летописи о нашествии белых угров.

С очерченным кругом волго-волховских археологических памятников первой половины IX в. наиболее близко соотносится сообщение Бертинских анналов о послах правителя народа *Rhos*, именуемого *chakan*, явившихся в 838 г. к византийскому императору, отправившему их домой, на север, через Германию, поскольку путь, которым они пришли, был занят «варварскими, чрезвычайно дикими и могучими народами» (как полагают, — уграми). Русское протогосударство, направившее послов в Византию, располагалось на севере будущей Древней Руси, где и позднее восточные источники знают «Русь», управлявшуюся хаканом, с центром скорее всего в Ладоге. Возможно, к 840-м гг. относятся и сведения писавшего в 880-х гг. Ибн Хордадбега о русах («вид славян»), которые вывозили меха бобров и черных лисиц, а также мечи «из самых отдаленных частей страны славян» на рынки Черноморья и Переднего Востока. И. В. Дубов почему-то ошибочно называет Ибн Хордадбега среди авторов, сохранивших возникший

¹ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах. — Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XXI. Л., 1891, с. 51—78.

² Смирнов П. П. Волзький шлях і стародавні русі. Київ, 1928, с. 138—149.

в Х в. рассказ о «трех группах Руси» (с. 116) и не привлекает его подлинное свидетельство для осмысления древностей IX в.

Вся сумма археологических и письменных данных заставляет предполагать, что Верхнее Поволжье уже в начале IX в. вошло в сферу интересов складывавшегося на Волхове русского протогосударства, и хотя между Волгой и Клязьмой жила преимущественно мера, здесь стали появляться выходцы с запада (славяне, скандинавы, возможно, балты и балтийские финны).

Второй этап в истории Северной Руси лучше всего отражен в книге и статьях И. В. Дубова. Он начинается в Поволжье с возникновения в третьей четверти IX в. гнезда ярославских поселений и курганных могильников, и в частности Тимеревского комплекса. Начало этапа отмечено в Верхнем Поволжье четырьмя кладками 863—870 гг. В это же время на северо-западе в 860 г. произошел пожар в Ладоге и отложился территориально-хронологический сгусток из пяти кладов в бассейнах озер Ильмень и Чудское (862—871 гг.). Видимо, неизъятие девяти кладов на Волго-Балтийском торговом пути в этот период обусловлено единой причиной — бурными событиями, сопутствовавшими возникновению полиэтничного русского протогосударства (его начало отнесено летописью к 862 г.; в дальнейшем оно сыграло решающую роль в сложении Древнерусского государства, столицей которого с 882 г. стал Киев).

Этап, датируемый для севера Руси 860—920-ми гг., также не может быть, вопреки мнению И. В. Дубова, сопоставлен с появившимся позднее рассказом о «трех группах Руси». К этому этапу должен быть приурочен возникший во второй половине IX в. и сохранившийся у Ибн-Русте (начало X в.) рассказ о русах, живущих на острове среди озера или около озера и возглавляемых хаканом, хотя территориально остров следует искать в Приильменье (как предполагал еще А. А. Шахматов) или в Приладжье³, где обнаружено древнейшее (конец IX в.) из русских камерных погребений, весьма напоминающее описание погребения руса «на острове». К Поволжской Руси этого времени может быть отнесен рассказ летописи о том, как Рюрик посадил своих мужей в Белоозере, Ростове и Муроме, об участии Ростова в походе на греков, а также сохранившийся у ал-Истахи и Ибн Хаукаля (и, по А. П. Новосельцеву, возможно, восходящий к труду ал-Балхи, 920—921 гг.)⁴ рассказ о богатой мехами Руси, еще отличаемой от Куйабы (Карбаны), позднее рассматривавшейся как одна из трех «групп Руси».

Исследованный И. В. Дубовым Тимеревский комплекс и представляет наиболее полно этот важный этап в этнической истории Руси на северо-востоке. Автор признает полиэтничный характер ярославских памятников, однако собрав все материалы и аргументы в пользу участия славян в формировании Тимеревского комплекса, он преувеличил роль местного мерянского населения за счет недооценки балтийского (балто-славянского?), скандинавского, западно-финского и иных этнических компонентов, а также недооценил общерусские культурные инновации, возникавшие на полиэтнической основе. Так, ни в коей мере не могут быть мерянским наследием глиняные бобровые лапы из курганов; более древние аналоги им (с VII в.) имеются лишь на Аландских островах и исчезают там примерно тогда же, когда появляются в Поволжье (вторая половина IX—X в.). Ярославские подкурганые трупосожжения с деревянными плахами на кострище не имеют (вопреки утверждению И. В. Дубова) ничего общего с «домками мертвых», известными в Поволжье в середине I тысячелетия н. э. Странно, что И. В. Дубов никак не интерпретирует тот факт, что, как явствует из приложенной к монографии статьи В. Д. Седых, большинство древнейших типов лепной посуды Тимерева имеет аналоги в славяно-балтийской и скандинавской посуде северо-запада (с. 192—197, рис. 48—50).

Думается, что И. В. Дубов несколько преувеличивает значение Тимеревского комплекса как центра ремесла и торговли и недооценивает роль промыслов и сельского хозяйства в жизни его обитателей. В частности, резкое преобладание костей бобров среди костей диких животных, найденных на поселении (с. 149), находки глиняных бобровых лап в курганах в сопоставлении со свидетельствами Ибн Хордадбега (IX в.) о бобровом мехе как первой статье русского экспорта и ал-Балхи (начало X в.) о высоком качестве русских мехов позволяют предполагать, что бобровый промысел здесь был весьма развит. Вероятно, сбыт бобровых мехов из Восточной Европы развивался первоначально (VII—VIII вв.) в направлении на юго-запад, в Западную Европу, через Аланды, что и вызвало там возникновение культа (глиняные бобровые лапы) не водившегося на этих островах бобра; позднее, с открытием путей по Волге, Дону и Днепру, мех стал сбываться в Византию и Халифат (IX—X вв.), причем какая-то часть аландских жителей, начиная с 860-х гг., переселяется в Верхнее Поволжье.

Только с третьим этапом в развитии русских древностей Волго-Клязьминского междуречья может быть сопоставлен знаменитый арабский рассказ «о трех группах Руси». Несомненной заслугой И. В. Дубова является то, что, приняв верхневолжскую локализацию одной из групп (Артании с городом Арса/Арта/Артаб), он нашел дополнительные аргументы в пользу этого положения. Автор присоединился также к точке зрения П. П. Смирнова, Г. Ф. Корзухиной и Д. А. Мачинского⁵, состоящей в том, что Куйаба

³ Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности.— В кн.: Проблемы археологического изучения Новгородской земли. Л., 1984, с. 3—20.

⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—X вв.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 403—404.

⁵ Корзухина Г. Ф. Русские кладки. М.—Л., 1954, с. 34; *ее же*. Путь Абу Хамида ал-Гарнати из Булкара в Венгрию.— В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, с. 190;

(Куана) — Карбана (Кокиана) арабских источников не может быть отождествлена с Киевом; И. В. Дубов в тексте предложил искать ее «в районах Верхнего и Среднего Поднепровья» (с. 116), а на карте поместил в Верхнем Поднепровье, видимо, сопоставив Куябу с Гнездовым (Смоленском? — см. рис. 4, с. 202). Только недостаточное системное исследование письменных источников не позволило автору сделать следующий шаг и признать, что все «три группы Руси» локализируются в Верхнем Поволжье, а группа с центром в городе Куяба/Куана расположена еще ближе к Волжской Болгарии, чем Славия и Артания. И. В. Дубов ошибается, утверждая, что Артания описывается в сочинениях Ибн Хордадбега и ал-Балхи. В действительности древнейшее описание «трех групп» содержится в сочинении ал-Истахри, написанном около 930—933 гг. и известном во второй редакции 950—951 гг.

Сочинение Ибн Фадлана, побывавшего в 922 г. в Болгарии, убеждает в том, что в это время ни система из «трех групп и трех городов Руси», ни город Булгар еще не представляли собой заметные реалии. Безусловной реальностью они стали к 950, а может быть, и к 930 г. Таким образом, возникновение социально-экономической системы из «трех групп Руси» (расстояния между центрами которых составляет, по Идриси, 4 дня пути) относится ко второй четверти X в. (или к 922—930 гг.). Но именно этим временем датируется и возникновение в Верхнем Поволжье трех новых групп курганных могильников⁶ и поселений вокруг озер Неро, Клещина и в бассейне Нерли Клязьминской. Эти три центра освоения Волго-Клязьминского междуречья появились уже в рамках единого Древнерусского государства со столицей Киевом; об относительно стабильной ситуации говорит отсутствие кладов X в. в Верхнем Поволжье. Близким временем (920—940-е гг.) датируются древнейшие культурные отложения в Новгороде.

Центрами двух первых групп являлись г. Ростов (Арса/Арта, позднее—Артаб арабо-персидских текстов) и, видимо, крепость на Александровой горе с расположенным рядом открытым поселением и могильниками (скорее всего, Переяславль Старый; корень «слав» в этом топониме соответствует Славe/Салабе восточных текстов). Центром третьей группы — Куана/Куяба/Кокиана, возможно, был комплекс из городища, селища и могильников у с. Васильки, самый южный и выразительный в группе. По Истахри и Ибн Хаукалю, группа Славия являлась «самой отдаленной» от Болгарии и «самой главной», т. е. там, видимо, сидел князь (воевода?), подчинявшийся непосредственно киевскому князю; группа Артания (вобравшая и Тимеревский комплекс) — самый мощный источник экспорта северных (меха) и западных (мечи) товаров. Третья группа контролировала выдвинутое на юго-восток торжище на берегу Нерли, сообщавшееся удобными речными и сухопутными путями с Волжской Болгарией. В конце X в. центром третьей группы, видимо, становится Суздаль (скандинавское *Sudgdalr*, Сузр-даль, т. е. «южная долина»), где, по данным В. Н. Татищева, в 982 г. Владимир закладывает крепость, остатки которой, возможно, и были обнаружены недавно М. В. Седовой. И. В. Дубов практически игнорировал памятники Суздальского ополья.

Жаль, что И. В. Дубов лишь подошел к очерченным сопоставлениям и проблемам, проверка которых на археологическом материале необходима и перспективна. С другой стороны, безусловно, важна для изучения очерченного круга явлений постановка им многих проблем и частичное решение некоторых вопросов. Труды И. В. Дубова, стимулировавшие работу его коллег и учеников, помогают перевести старинный диалог письменных и археологических источников на новый уровень и подойти вплотную к основательному взаимопроверяющему пересмотру всех источников, имеющих отношение к проблеме зарождения русской государственности и народности.

Д. А. Мачинский

Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах появления славян на северо-западе Восточной Европы.— В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 23—24.

⁶ Лапшин В. А. Ранняя дата владимирских курганов.— Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1981, № 166, с. 45—48, карта на с. 47.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Bo Lönnqvist. Suomenruotsalaiset. Kansatieteellinen tutkielma kieliryhmästä. Jyväskylä. 1981, 174 s.

Книга Бу Лённквиста «Финляндские шведы. Этнографическое исследование языковой группы» посвящена одной из современных этнокультурных проблем Финляндии, особенностям положения шведского населения этой страны. Одной из задач, которые ставил перед собой автор, было установить, существовала ли у шведского сельского населения страны особая традиционная культура, которая отличала их от финнов. О том, что этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, свидетельствует, в частности, то, что в работе «Проблемы культурной идентификации», опубликованной в 1978 г. Финляндским комитетом ЮНЕСКО, шведы Финляндии определены именно как «культурное меньшинство» (с. 10).

В начале книги автор обращает внимание читателей на некоторые особенности